

МОДЕЛЬ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ИНВЕСТИЦИОННОЙ СФЕРАХ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Останин В.А., д.э.н., профессор, Владивостокский филиал Российской таможенная академия

Чан Янь, к.полит.н., доцент, Хэйлунцзянский университет, Китай

Аннотация: Модель политической экономии капитализма выявила свои негативные моменты, ибо исходила из основного принципа – экономического империализма. Торгово-экономическое, инвестиционное сотрудничество между Китаем и Россией на территории Дальнего Востока России может сформировать положительный тренд, если каждая страна будет относиться к другой не только как средству повышения своего национального благосостояния, но и как средству и цели одновременно. Предлагается создать экономическую систему углубленной интеграции под условным названием RuChin (Russia+ China).

Ключевые слова. Торгово-экономическое сотрудничество, инвестиционная политика Китая и России, политическая экономия капитализма, политическая экономия солидаризма, инвестиционная система – RuChin (Russia+ China).

Abstract: The model of political economy of capitalism revealed its negative aspects, because it proceeded from the basic principle – economic imperialism. Trade, economic and investment cooperation between China and Russia on the territory of the Russian Far East can form a positive trend if each country treats the other not only as a means of improving its national welfare, but also as a means and an end at the same time. It is proposed to create an economic system of in-depth integration under the conditional name RuChin (Russia+ China).

Keywords: Trade and economic cooperation, investment policy of China and Russia, political economy of capitalism, political economy of solidarity, investment system – RuChin (Russia+ China).

Введение. Исторический экскурс в проблему. Развитие Дальнего Востока России с момента освоения восточных территорий русского государства была предлогом национальной политики уже во второй половине 16 века усилиями землепроходцев выяснением территориальных отношений с Сибирским ханством. Можно полагать, что целенаправленное проникновение Московского государства на территории Дальнего Востока реализовалось уже с основанием Петром Бекетовым в 1632 г. Якутского острога. В последующие годы Московское государство закрепляет своё присутствие основанием в 1651 г. Албазинского острога, в 1652 г. Иркутского зимовья, в 1654 г. Кумарского острога, в 1655 г. Косогорского, через три года – Нерчинского острога. Освоение же прибрежных территорий датируется 1639 годом выходом И. Москвитина с отрядом казаком к Охотскому морю, где был заложен острог в устье реки Улья. В 1642 году, когда М. Стадухин достиг берегов Чукотки. В Поярков в 1643-1646 гг. дошел до реки Амур и далее к морю, в 1649 -1953 годах Ерофей Хабаров составил первую карту Приамурья.

Следует признать, что освоение территорий Дальнего Востока до определенного времени осуществлялось бесконфликтно, т.е. до того момента, когда интересы России и Китая не вошли в противоречие. Тем не менее был подписан в 1689 году Нерчинский договор, в соответствии с которым впервые были определены принципы пограничных отношений и зафиксирована русско-китайская граница. Русские первооткрыватели уступили крепость Албазин, прекратив одновременно своё продвижение к берегам Тихого океана по реке Амур.

Современные исследователи на основе анализа исторической ситуации, политических устремлений Франции, Англии приходили к выводу, что эти территории были не только предметом территориальных претензий России, но и Англии, и Франции. Военные и китобойные суда французов и англичан нападали на поселения, осуществляя прямые грабежи. Закрепление России за Дальнем Востоке было официально закреплено подписанием Айгунского (1858г.) и Пекинского (1960 г.) договоров. Пекинский договор официально закрепил положения Айгунского договора, закрепив границы между странами по реке Амур. Тем не менее острота интересов французов и англичан не терялась, что проявилось в попытках англо-

французского нападения на Амурскую экспедицию в 1854-1855 гг.

Китай, тем не менее, не оставлял своих надежд вернуть земель, которые были утрачены в результате Айгунского и Пекинского договоров, считал их навязанным в период ослабления военной мощи. Последнее проявилось в обострении территориальных претензий уже во второй половине 20 века, что вылилось в вооруженном пограничном конфликте на острове Даманском в марте 1969 года. Окончательное урегулирование было достигнуто в 2004 году, когда остров окончательно перешел под юрисдикцию Китая.

Анализ периодической печати, а также работ ученых Китая позволяет сделать вывод, что причина неудовлетворенности Китая относительно территорий, которые лежат к Северу от Китая сохраняется, что накладывает отпечаток на выстраивание торгово-экономических, инвестиционных отношений и по настоящее время.

Постановка проблемы. Для Китая с позиции объёма запасов энергоресурсов и географического положения Россия должна бы обладать большей инвестиционной привлекательностью. Так, только в 2022 году Китай инвестировал в различные страны мира более \$170 млрд. Однако доля в этом объёме инвестиций довольно низкая. Например, в то время, когда Китай уже открыто провозгласил политику «идти вовне», то в 2016 году по данным Центрального Банка России инвестиции составили 360 млн долларов США. Другие страны вложили в Россию в 2016 г. \$32 млрд, в том числе в форме прямого участия в капитале около \$19 млрд. [9]

Причина дополнительно лежит также в том, что китайские инвесторы действительно сталкиваются с проблемами, которые лежат как в области экономики, налогового и таможенного законодательства, так и в сохраняющейся в памяти как рядовых россиян, так правящей российской элите, так называемой, «китайской угрозе» вытеснения России с территорий Дальнего Востока.

Обоснование тезиса. Выход из создавшейся ситуации следует видеть не столько в улучшении инвестиционной привлекательности для китайских инвесторов путём создания специальных инвестиционных предпочтений для китайской стороны, не только понимания особенностей китайской модели практического инвестирования, но и учета психологического

климата как со стороны Китая, так и России. Данный аспект упускается из анализа как инвестиционной привлекательности, так и понимания причин неоднозначного поведения китайских инвесторов. Граждане России, проживающие на Дальнем Востоке, представители правящей элиты нуждаются в понимании долгосрочных стратегических целях Китая, когда сами отношения как в области экономики, торговле, инвестициях должны быть понятны в силу их прозрачности и искренности. Российской политической элите следует отказаться от понимания китайских инвесторов, как благотворителей России. Они руководствуются моделями экономической эффективности, которая не следует исключительно предпочтениями в краткосрочном периоде. Китайская правящая элита принимает решения, исходя из принципов национального эгоизма.

В этой связи вполне уместно несколько перефразировать известную английскую поговорку относительно друзей. «Для китайцев нет на экономическом и политическом поле друзей, на этом поле есть экономические и стратегические интересы Китая.» Это в полной мере следует относить и к России. Принимать к сведению исключительно заверения политиков вряд ли будет достаточно, так как наиболее надежными аргументами всегда будут практические дела и долгосрочные стратегические программы развития страны.

Поэтому далеко не случайно, что большинство китайских инвестиций приходят в Россию по линии межгосударственных соглашений и межправительственного сотрудничества где затрагиваются интересы крупных инфраструктурных компаний и энергетического сектора. Небольшие частные компании предельно осторожно подходят к выбору инвестиционного проекта в России, ибо справедливо полагают наличие на российском рынке рисков и неопределенностей поведения законодательной власти. Этим можно объяснить негативную статистику в области инвестиционной политики в последние годы. Если за точку отсчета взять 2017 год, то сумма всех прямых китайских инвестиций за рубежом оценивалась в \$120 млрд, из них на Россию по официальной статистике приходилось менее 2 % от всех инвестиций. Более того, в 2017 году в соответствии с правительственными указаниями Китай стал ограничивать китайским компаниям «необдуманные инвестиции», тем не менее в Россию было направлено менее одного процента от общего объема. Если ввести в анализ понятие «нетто-инвестиции», то последние вообще приняли отрицательное значение в 2016 году.

Объяснение в принципе лежит на поверхности: не только китайские, но и инвесторы других стран относили вложения в российскую экономику к разряду рискованных инвестиций.

Ситуация в инвестиционной сфере стала меняться в последние годы. Китай вышел на второе место по объему прямых иностранных инвестиций по данным на 2021 год, достигнув размера в \$178,82 млрд, что соответствовало годовому росту на 16,3 %. Уже в 2022 году Китай становится крупнейшим кредитором развивающихся стран, вложив за три года \$240 млрд. При этом следует признать, что уже ранее на конец 2019 года определились страны с громадными для их экономик долгами перед Китаем. Например, Пакистан -- \$20,2 млрд, Ангола -- \$15,0 млрд, Кения -- \$7,5 млрд, Эфиопия -- \$6,5 млрд, Эквадор -- \$5,8 млрд, Шри Ланка -- \$5,4 млрд и т.д. [15]

Приведенные данные из официальной статистики ставят проблему перед правительственными чиновниками России, по Ф. Ницше, с «оскорбительной ясностью» (*beleidigende Klarheit* – нем.). Как мы полагаем, причины следует искать не только на китайской стороне, но и российской в институциональной среде с включением результатов анализа психологи-

ческого наследия как истории отношений, так и психологических восприятий от ожидания будущего. Преодоление рисков непредвиденных изменений в инвестиционных ожиданиях как представителей российского бизнеса, так и китайских инвесторов, и их купирования не может игнорировать те исторические события, которые складывались на протяжении всей истории российско-китайских отношений, начиная с 17 века. Одновременно следует понимать перспективы и преимущества сотрудничества между странами на принципах справедливости, равноправия, взаимного признания интересов противоположных сторон контрагентов. Суть этих отношений будет сводиться к модели – получать положительный эффект от торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия не за счет контрагента, а благодаря ему. Рост объемов капитальных вложений и торгового оборота важен не сам по себе. Он должен давать достаточно информации как показатель роста благосостояния народов Китая и России. Каждая страна должна видеть в торгово-экономических и инвестиционных отношениях другую сторону не только в качестве средства повышения своего благосостояния, роста национального богатства, но и как цель в выстраивании своих отношений. Осуществляя инвестиционную деятельность на территориях других стран, Китай, или другие страны включая Россию, фактически осуществляют экспансионистскую модель в выстраивании не только инвестиционных отношений, но и отношений в торгово-экономической области. Однако восприятие этой экспансионистской политики найдет своё одобрение в странах реципиентов только тогда, когда экспансия не приведет к подавлению национальных интересов. Например, реализация глобального проекта «ПОЯС – ПУТЬ» как инструмента, механизма осуществления китайской мечты о великом возрождении китайской нации, не может найти одобрения, если другие нации будут утрачивать свой национальную мечту роста благосостояния.

Эта модель вполне вписывается в правило, сформулированное в своё время великим представителем немецкой классической философии И. Кантом.

Прибыль, как конечная цель в торгово-экономических отношениях, должна уступить своё место показателю роста благосостояния своих народов. Точно также как рост ВВП не может адекватно выражать рост благосостояния граждан каждой страны. Например, рост благосостояния нации может возрастать в результате более справедливого перераспределения производимого в обществе национального дохода в пользу наиболее бедных слоёв населения. Ибо одна и та же ценность блага имеет различную величину для наиболее бедных слоёв и наиболее состоятельных, если последняя перераспределяется в пользу бедных. Суммарное богатство нации получит приращение за счет большего удовлетворения своих потребностей и их оценки на основе предельной полезности. В результате только этого можно добиться снижения численности населения с доходами ниже прожиточного минимума как в России, так и в Китае. Существенным ограничением этой модели должно быть превышение роста благосостояния над ростом ВВП страны.

Подводя некоторый промежуточный итог, можно сделать вывод. В условиях практически враждебного отношения стран Запада к России, ограничения инвестиционной активности Китая, в первую очередь, со стороны США модель взаимоотношений в экономической, инвестиционной, финансовой, наконец, в политической и военных сферах, должна выстраиваться не на принципах выживания одной стороны за счет подавления, либо не учёта интересов другой стороны, а на принципах солидаризма. Полагаем, что политическая экономия капитализма должна усту-

пить место политической экономии солидаризма, т.е. на принципах коллаборации. [5; 6]

Дополнительным фактором роста благосостояния граждан каждой страны может стать снижение индекса цен производителей в результате фактора появления на национальных рынках не только товаров повседневного спроса, но и индекса цен инвестиционных товаров. Фактор конкуренции должен всегда находить своё место, независимо от призывов ограждения национальных производителей от иностранной конкуренции. По крайней мере эта модель ограничения конкуренции в результате реализации ложно понимаемой протекционистской политики может применяться в ограниченные временные периоды. Забвение этого важного положения может привести к генерированию рисков инфляционного скачка в будущих периодах. [5; 6; 12, 13, 14]

Обнадеживающим фактом инвестиционной политики Китая на сопряженных с ним территориях России является то, что, например, Глобальный проект «Один пояс- Один путь», распространяя зону своего влияния на сопряженные территории не вызывает пока ощущений угроз подавления национальных интересов России и ли даже потерю её суверенитета. Следует также одновременно признать, что экономическое, торговое, инвестиционное пребывание на маршрутах Экономического пояса не носит исключительно экономического характера. Практика руководства Китая направлена на купирование угроз отчасти инструментами мягкой силы, через возрастающее влияние Китая мерами китайских миролюбивых традиций, традиционной китайской культуры. [12] Эту тенденцию, как нам представляется, достаточно четко сформулировал Ю.В. Тавровский. «Уже сегодня ясно, что Китай уходит из-под влияния «общечеловеческих ценностей», которые написаны на скрижалях западной цивилизации и были навязаны остальному миру порой крестом, а порой и мечом» [16, 98]. Тем не менее следует одновременно признать важный для российских интересов момент, что теперь уже сам Китай, используя свой инвестиционный потенциал, экономическую мощь в сочетании с инструментарием «мягкой силы», включает в сферу своего экономического, политического влияния такие территории как Гонконг, Макао, не говоря уже о Тайване, который включен в состав национальной территории Китая. К этому будет подталкивать сам процесс реализации Великой китайской мечты, используя незаурядный дух креативности китайского народа, возвышенный китайский дух нации, сердцевиной которого является патриотизм, способность к реформаторству и новаторству. [16, 72-73]

Разработка путей решения теоретической проблемы. Особенностью реализации торговой-экономической и инвестиционной политики России и Китая на современном этапе является то, что она реализуется в условиях практически враждебного отношения США, Британии. Преодоление негативной политики возможно на пути ускорения социально-экономического развития России и Китая. Фактором, который может купировать последствия от нанесения ущерба национальным экономикам, может и должен стать процесс ускорения международного производственного кооперирования, что позволяет получить дополнительный синергетический эффект. Этот дополнительный эффект будет находиться в прямой зависимости от степени взаимной интегрированности экономических систем. В этой связи мы находим весьма плодотворной идею Н. Фергюсона, который предложил создать экономическую систему на примере Китая и США создать условную страну под названием Chimerica (China+America), экономики которых взаимно дополняют друг друга. [18, р. 335 – 336]

Реализация подобной, как мы полагаем продуктивной идеи, но уже в тендеме России и Китая, позволит снизить зависимость от враждебных стран Запада, во главе с США, открыто реализующих политику нанесения ущерба экономикам России и Китая, даже если это несет потери самим Соединённым Штатам Америки. Такой уловной моделью, пока еще в идеи, в намерениях, могла бы стать торговально-экономическая, инвестиционная система – RuChin (Russia+ China), что в переводе с английского будет означать, как «мчащийся».

Полагаем, что подобная модель обеспечила прирост потенциала технологической модернизации, что позволило бы увеличения роста благосостояния в концепции реализации национальной идеи – роста благосостояния народов. Система приобрела большую устойчивость и стабильность в условиях турбулентности товарных и финансовых рынков. В конечном счете это обеспечило бы технологическую, экономическую и политическую суверенность каждой из стран, которые вошли бы в подобную организацию. Полагаем, что многочисленные экономические союзы, объединения, в которые входят Китай и Россия, например, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС, в силу большого числа входящих в них членов, несут в себе и большее число внутренних противоречий. В результате будет на порядок сложнее добиваться единой торгово-экономической, таможенной, миграционной, финансовой и инвестиционной политики. Эти объединения сохраняют свою относительную устойчивость благодаря тому, что стремятся не решать свои проблемы за счет другого. В союзе RuChin эти проблемы будут всегда легче разрешить, ибо добиться консенсуса между двумя равноправными субъектами, не стремящихся нанести ущерб другому и не стремящихся получать односторонние преимущества за счет ущемления других участников будет сопряжено с меньшими трансакционными издержками. Подтверждением этого вывода служат постоянно возникающие в рамках БРИКС противоречия между Индией и Китаем, а также между другими странами-участниками.

Объединение торгово-экономического, инвестиционного потенциала в конечном счете будет способствовать реализации национальных программ в рамках национальных проектов. Для Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) и Приморского края, в частности, национальные программы становятся важным ориентиром в развитии региона. Актуальность принятого решения подчеркивается негативными итогами работы всех уровней власти в ДФО по росту благосостояния дальневосточников. На момент разработки не были получены ранее запланированные ориентиры и ключевые показатели развития региона. Это касалось сельского хозяйства региона, которое увеличило объём производства за 6 лет только на 7,5 % при росте в целом по России на 20 %. Дегradировало фактически сельское хозяйство, сократившись в два с половиной раза, снизилось производство мяса в живом весе за 6 лет на 10 %, молока – на 8 %. Снижение объемов строительства составило 20 %. Все это свидетельствовало о стагнации как на территории ДФО, так и России в целом. [1; 2; 3; 8]

Следует ответить на вопрос. Программы развития Дальнего Востока, Сибири, Забайкалья периодически принимались, утверждались и ... не выполнялись. Констатация негативных фактов есть только первый этап в понимании причин низких темпов развития Дальнего Востока и Приморского края. За этим этапом следует процесс разработки программ, их утверждение, составление дорожных карт по выполнению отдельных пунктов. Под эти программы выделяются необходимые финансовые ресурсы. Так, согласно национальной программы для достижения экономи-

ческого роста в 106 % в год в регион должны поступить с за период с 2019-2025 года 11,5 трлн рублей инвестиций, что должно обеспечить ежегодный прирост объема инвестиций в основной капитал в размере порядка 8 %. [3, 176]

Однако приток инвестиций на Дальний Восток сводится к нулю в результате планируемого оттока ресурсов. Так, затраты на создание одного рабочего места в ДФО проектируется на уровне 28 млн руб., что по курсы на тот период эквивалентно \$400 тыс. Как отмечает А.Г Аганбегян, даже с учётом северного удорожания и низкой инфраструктурной необустроенности региона, большой доли добывающей промышленности -- это неоправданно высокая цена, которая не встречается нигде в мировой практике. При таком соотношении инвестиции и планируемых оттоков стоимость одного рабочего места такова, что инвестиционный проект не окупится никогда, какая бы производительность труда не была бы достигнута на этом рабочем месте. [3, 179]

Можно утверждать, что в Китае ситуация принципиально иная. Но одновременно встает вопрос, какие стимулами руководствуется китайские инвесторы, осуществляющие прямые инвестиции в экономику Дальнего Востока? Какие модели должен реализовать, что китайский инвестор получил свое доходы с удовлетворяющей его эффективностью инвестиционного проекта? Вопрос еще более обостряется, если обратиться к китайскому исследователю, заявляющего, что принятие инвестиционного решения «...является наилучшим выбором для Китая». [17, 151]

Определенный ответ можно получить, если принять во внимание политику США, Японии в связи с осуществлением американской стратегии «разворота» в Азиатско-Тихоокеанский регион, появление очагов нестабильности. Всё это несет риски нарушения логистических цепей морских поставок в Китай жизненно важных стратегических ресурсов. Действительно, в этом отношении выбор России становится наилучшим выбором для Китая. Становится логичным политика Китая, реализуемая им на территории Дальнего Востока России, в развитии транспортной и логистической инфраструктуры. К этим инфраструктурным объектам следует отнести строительство автомобильного моста Благовещенск-Хэйхэ через реку Амур, Железнодорожный мост Нижнеленинское в Еврейской автономной области, реконструкция двух полноценных железно-дорожных коридоров: Гродеково (Приморский край) – Суйфэнхэ, а также переход Забайкальск (Забайкальский край)–Маньчжурия (Внутренняя Монголия). К важным инвестиционным проектам можно отнести развитие транспортных коридоров (МТК) «Приморье-1» (Харбин-Муданьцзян-Суйфэнхэ-Гродеково-Дунин–Полтавка-Уссурийск-порты Владивосток /Находка, Восточный/ с выходом международные морские линии. «Приморье-2»: Чанчунь (Цзилин) – Хунчунь-Краскино-Махалино – порт Зарубино и далее выход на международные морские линии. По проекту в 2030 году по этим транспортным коридорам буд осуществляться перевозка продоволь-

ствие и контейнерные грузы с объемом 45 млн т в год, 22 млн т контейнерный грузов, около 23 млн т зерна. Данные проекты позволят Китая получить выход на морские международные линии самым кратчайшим путём для Северо-Восточных провинций, что будет являться мощным фактором развития этих территорий Китая. [17, 11; 10]

Также к крупнейшим инвестиционным проектам, реализуемые на Дальнем Востоке России следует отнести: Долгосрочное соглашение по поставкам нефти в Китай («Роснефть» и «CNPC»; Автомобильный мост через реку Амур между Благовещенском и Хэйхэ (ОАО «Мост» и «Компания по строительству моста через Амур»); Соглашение по поставкам газа по восточному маршруту в Китай («Газпром» и «CNPC»; Железнодорожный мост Нижнеленинское-Тунцзян (ООО «Рубикон» и «China Railway Major Bridge Engineering Group»); Амурский НПЗ»; ООО «АЭК»; Автомобильный мост между Полтавкой и Дуннином; Канатная дорога Благовещенск – Хэйхэ; Российско-китайский фонд агропромышленного развития («Фонд развития Дальнего Востока России» и «Азиатско-Тихоокеанский фонд развития зерновой промышленности»), другие инвестиционные проекты. Принимается в качестве естественного положения, что эти инвестиционные проекты будут реализовываться с участием и китайского капитала. [4]

Выводы. Приведенные данные дают основания для принципиального в данном исследовании вывода – осуществление масштабных инвестиционных проектов будет способствовать развитию приграничных территорий России и Китая, росту благосостояния народов, повышению устойчивости и суверенности государств, что приобретает особую значимость в условиях реализации откровенно враждебной политике США, Англии, Японии, Канады и некоторых других стран. Ключевым моментом в выстраивании торгово-экономических, инвестиционной, миграционной политики является тот фактор, что это сотрудничество должно исходить из принципов справедливости, равноправия, взаимного уважения и признание суверенных интересов России и Китая. Рост благосостояния народов и национального богатства России и Китая должен осуществляться не за счет подавления интересов сторон, а за счет их учета и максимально возможного создания преференций для каждого. Международная политическая экономия капитализма как методологическая база понимания сложных и противоречивых процессов должна замещаться моделью на методологических основаниях Международной политической экономии солидаризма. [5] Трудная и противоречивая история отношений между Китаем и Россией, начиная с событий 16-17 веков, всегда будет оставаться в памяти последующих поколений народов. Преодоление этого психологического феномена возможно не на путях забвения истории, а на пути развития отношений добрососедства народов, учета их интересов, на пути построения модели взаимоотношений на принципах солидаризма.

Библиографический список

1. Аганбегян А.Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста / Проблемы прогнозирования. 2019а. № 1. с. 3–15.
2. Аганбегян А.Г. О преодолении стагнации, рецессии и достижении пятипроцентного роста / Экономическое возрождение России. 2019б. № 2 (60). с. 17–23.
3. Аганбегян А.Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов / Пространственная экономика. 2019. Том 15. № 3. с.165-181.
4. Азиатские инвесторы готовятся к "битве" за проекты на Дальнем Востоке // прайм, 2017, 28 февраля, [Электронный ресурс]. URL: <http://m.1prime.ru/Interview/20170228/827197728.html>. (Дата обращения: 24.07.2023).
5. Кошкин В.И., Кретов С.И. Основы политической экономии солидаризма. М.: ЛЕНАНД, 2017. -- 400с.
6. Ли, Дэли. Коллаборационная теория интегральных организационных форм хозяйствования / Известия Байкальского государственного университета. 2020. Т. 30, № 2. с. 273–280.

7. Мау В.А. Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018-2019 годах // <https://instituciones.com/politika/3299-nacionalnye-celi-i-model-ekonomicheskogo-rosta.html> (Доступно: 24.07.2023);
8. Минакир П.А. Российский кризис: ожидания против фактов // *Пространственная экономика*. 2018. № 1, с. 7–15. DOI: 10.14530/se.2018.1.007-015.
9. Много ли Китай инвестирует в Россию?// <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mnogo-li-kitay-investiruet-v-rossiyu/> (Доступно: 24.07.2023);
10. Недостроенный мост и российско-китайское партнёрство // *ИноСМИ*, 2016, 18 июля, [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160718/237227877.html> (Дата обращения: 27.07.2023).
11. Об утверждении Концепции развития международных транспортных коридоров "Приморье-1" и "Приморье-2" // Правительство России, 2016, 30 декабря, [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/25953/> (Дата обращения: 24.07.2023)
12. Останин В.А. Глобальный проект «пояс-путь» в традициях великой китайской мечты // *Российско-китайские исследования • Russian & Chinese Studies*. 2020. Т. (Vol.) 4. № 2. pp.116-122. DOI: 10.17150/2587-7445.2020.4(2).116-122.
13. Останин В.А. ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ПОЯС-ПУТЬ» КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ КИТАЙСКОЙ МЕЧТЫ О ВЕЛИКОМ ВОЗРОЖДЕНИИ КИТАЙСКОЙ НАЦИИ / *Вестник науки*. 2020. № 5(26). Т. 3. с.53-67.
14. Останин В.А. Коллаборация как форма разрешения противоречий конкуренции / *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*. 2019. № 4(92). с.5-16. DOI: <https://dx.doi.org/10.24866/2311-2271/2019-4/5-16>.
15. Страны с крупнейшими долами перед Китаем, 2019 г. // https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Инвестиции_Китая_в_странах_мира (Доступно: 24.07.2023);
16. Тавровский Ю.В. Си Цзиньпин. Новая эпоха / Ю.В. Тавровский. Москва: Эксмо, 2018. 384 с.
17. Цинь Дун. Китайские инвестиции на российском Дальнем Востоке: состояние и проблемы / *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2018. № 2. с. 151–160. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-2/151-160.
18. Ferguson N. (2008). *The ascent of money: A financial history of the world*. London: Penguin Press.

References

1. Aganbegyan A.G. O neotlozhnyh merah po vozobnovleniyu socialno-ekonomicheskogo rosta / *Problemy prognozirovaniya*. 2019a. № 1. s. 3–15.
2. Aganbegyan A.G. O preodolenii stagnacii, recessii i dostizhenii pyatiprocentnogo rosta / *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2019b. № 2 (60). s. 17–23.
3. Aganbegyan A.G. Razvitie Dalnego Vostoka: nacionalnaya programma v kontekste nacionalnyh proektov / *Prostranstvennaya ekonomika*. 2019. Tom 15. № 3. s.165-181.
4. Aziatskie investory gotovyatsya k "bitve" za proekty na Dalnem Vostoke // *prajm*, 2017, 28 fevralya, [Elektronnyj resurs]. URL: <http://m.1prime.ru/Interview/20170228/827197728.html>. (Data obrashcheniya: 24.07.2023).
5. Koshkin V.I., Kretov S.I. *Osnovy politicheskoy ekonomii solidarizma*. M.: LENAND, 2017. -- 400s.
6. Li, Deli. Kollaboracionnaya teoriya integralnyh organizacionnyh form hozyajstvovaniya / *Izvestiya Bajkalskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. Т. 30, № 2. s. 273–280.
7. Мау В.А. Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018-2019 годах // <https://instituciones.com/politika/3299-nacionalnye-celi-i-model-ekonomicheskogo-rosta.html> (Dostupno: 24.07.2023);
8. Minakir P.A. Rossijskij krizis: ozhidaniya protiv faktov // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2018. № 1, s. 7–15. DOI: 10.14530/se.2018.1.007-015.
9. Много ли Китай инвестирует в Россию?// <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mnogo-li-kitay-investiruet-v-rossiyu/> (Dostupno: 24.07.2023);
10. Nedostroennyj most i rossijsko-kitajskoe partnyorstvo // *InoSMI*, 2016, 18 iyulya, [Elektronnyj resurs]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160718/237227877.html> (Data obrashcheniya: 27.07.2023).
11. Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya mezhdunarodnyh transportnyh koridorov "Primore-1" i "Primore-2" // *Pravitelstvo Rossii*, 2016, 30 dekabrya, [Elektronnyj resurs]. URL: <http://government.ru/news/25953/> (Data obrashcheniya: 24.07.2023)
12. Ostanin V.A. Globalnyj proekt «poyas-put» v tradiciyah velikoj kitajskoj mechty // *Rossijsko-kitajskie issledovaniya • Russian & Chinese Studies*. 2020. Т. (Vol.) 4. № 2. pp.116-122. DOI: 10.17150/2587-7445.2020.4(2).116-122.
13. Ostanin V.A. GLOBALNYJ PROEKT «POYAS-PUT» КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ КИТАЙСКОЙ МЕЧТЫ О ВЕЛИКОМ ВОЗРОЖДЕНИИ КИТАЙСКОЙ НАЦИИ / *Vestnik nauki*. 2020. № 5(26). Т. 3. с.53-67.
14. Ostanin V.A. Kollaboraciya kak forma razresheniya protivorechij konkurencii / *Izvestiya Dalnevostochnogo federalnogo universiteta. Ekonomika i upravlenie*. 2019. № 4(92). с.5-16. DOI: <https://dx.doi.org/10.24866/2311-2271/2019-4/5-16>.
15. Strany s krupnejshimi dolami pered Kitaem, 2019 g. // https://www.tadviser.ru/index.php/Statya:Investicii_Kitaya_v_stranah_mira (Dostupno: 24.07.2023);
16. Tavrovskij YU.V. Si Czinpin. Novaya epoha / YU.V. Tavrovskij. Moskva: Eksmo, 2018. 384 s.
17. Cin Dun. Kitajskie investicii na rossijskom Dalnem Vostoke: sostoyanie i problemy / *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2018. № 2. s. 151–160. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-2/151-160.
18. Ferguson N. (2008). *The ascent of money: A financial history of the world*. London: Penguin Press.